

Погода стояла обманчивая — то ли тепло, то ли холод, — но влажный воздух приятно ласкал лицо.

Сегодня Тан Сяожуань исполнилось двадцать лет. Она не знала, какие обычаи приняты в других семьях, но в роду Тан издавна существовало строгое правило: все потомки по достижении двадцатилетия обязаны вернуться в родовое поместье на пышное празднество. Ходили слухи, что если именинница — девушка, то сама прабабушка лично расчесывает ей волосы, а если повезет, можно даже получить из рук старушки какую-нибудь семейную реликвию. Кто знает, правда это или вымысел.

Говоря о нынешней главе рода, прабабушке Тан Сяожуань — Тан Юньши, — стоит отметить, что она пережила и военное лихолетье, и все последующие смутные времена. Сейчас ей девяносто два года, но она до сих пор способна так грохнуть клюкой об пол, распекая сыновей и внуков, что голос ее звучит звонко и властно, а жизненной энергии позавидуют молодые. У Тан Юньши было четверо детей: три сына и одна дочь. Отец Тан Сяожуань, Тан Циньчжи, был старшим внуком в главной ветви рода, но из-за болезни, полученной в юности во время ссылки в деревню, он стал отцом лишь к сорока годам, подарив жизнь своей драгоценной Сяожуань. С продолжением рода у него сложилось куда хуже, чем у остальных братьев и сестер. Тан Циньчжи непременно должен был присутствовать на двадцатилетии любимой дочери, но прямо перед выходом его одолел такой сильный кашель, что он не смог подняться с постели. Врач, доктор Чжао, распорядился поставить ему капельницу, так что отцу пришлось лишь продиктовать адрес и надеяться, что Сяожуань, не бывавшая в поместье больше десяти лет, сможет добраться сама.

Получившая права совсем недавно, Тан Сяожуань с огромным воодушевлением прыгнула в отцовский внедорожник и помчалась к родовому гнезду. В памяти почти не осталось воспоминаний о месте, где она была лишь в раннем детстве. Опираясь только на скудные описания отца, девушка, впервые в жизни отправившаяся в столь дальний путь в одиночку, ехала с девяти утра до пяти вечера. Четырехчасовую дорогу она растянула на восемь часов, раз семь останавливалась, чтобы мило улыбнуться и спросить путь, и все же успела до заката.

Родовое поместье Тан представляло собой старинную усадьбу — очень простую и элегантную. Прабабушка наотрез отказывалась переезжать, утверждая, что привыкла к этому дому, где зимой тепло, а летом прохладно.

Взору открылись красная черепица и сизые стены, запутанные переходы и уединенные тропинки. Тан Юньши жила в Восточном саду. Пройдя через квадратный внутренний дворик и длинную просторную галерею, Сяожуань увидела нужный павильон. Она только собралась присмотреться получше, как из сада вышел высокий крепкий мужчина средних лет. Стоило ему увидеть ее, как он нахмурил густые черные брови:

— Сяожуань, почему ты только сейчас приехала? Бабушка ждет тебя уже целую вечность!

— Третий дядя, ну я же заблудилась! Папа снова кашляет, я приехала совсем одна, — проговорила она, обнимая Тан Шэнчжи за руку. — Сигнал сети плохой, до тебя было не дозвониться, я так перенервничала.

Тан Сяожуань от природы обладала очаровательной внешностью: уголки ее глаз и бровей всегда были слегка приподняты, а губы — чуть тронуты улыбкой. Даже когда она молчала, казалось, что она смеется, а уж когда пускала в ход свое кокетство, устоять было невозможно. Тан Шэнчжи был суров со своими сыновьями, но перед этой прелестной девушкой, единственной внучкой в их поколении, даже самый сильный гнев таял. Он лишь тяжело вздохнул:

— Ох, ребенок ты мой. Кстати, как здоровье у твоего отца?

— Все еще кашляет кровью. Доктор Чжао тоже хорош — обследовал его вдоль и поперек, а причину так и не нашел. Папа на западную медицину уже рукой махнул, сейчас лечится отварами по народным рецептам.

Сяожуань невольно нахмурилась. С конца прошлого года ее отец начал страдать от странного недуга: периодически его мучил кровавый кашель, аппетит пропал, он сильно похудел, а лицо приобрело землистый оттенок. Доктор Чжао был одним из лучших специалистов не только в городе, но и во всей стране, но даже он не смог поставить диагноз.

— Эх, когда я в прошлый раз говорил с братом, узнал о его болезни. Я вот думаю, может, у твоей прабабушки найдется какое-нибудь народное средство? В общем, пойдем скорее, тебе нужно поклониться прабабушке.

Изначально парень Сяожуань, Фан Цинхао, уже забронировал ресторан для празднования, но из-за отцовского напоминания о правилах рода планы сорвались. Сяожуань не стала спорить: во-первых, не хотела огорчать старших, а во-вторых, была наслышана о мудрости прабабушки и надеялась узнать у нее что-то о болезни отца. Услышав слова дяди, она воспряла духом и, собравшись с силами, последовала за ним.

Миновав арочные ворота сада и обогнув ширму из белого мрамора, она увидела двухэтажный особняк с багровыми дверями и темными окнами, украшенными резьбой с изображением цветущих ветвей бегонии. Вечерняя заря подсвечивала изогнутые карнизы, отбрасывая длинные тени. Вокруг небольшого пруда с водными растениями вилась тропинка, вымощенная шестигранной плиткой, а по краям цвели сезонные цветы — особенно пышно распустились персики и хлопковое дерево, чьи нежно-розовые и алые лепестки радовали глаз.

В саду уже собралась группа людей: кто-то пил чай, кто-то играл в карты или шахматы. Тан Шэнчжи повел Сяожуань внутрь и начал представлять:

— Это твой дедушка из второй ветви, поздоровайся.

— Здравствуйте, дедушка, — Сяожуань с детства была языкастой, но у нее была особенность произношения, характерная для южанок: числительное два у нее всегда звучало как злой, поэтому дедушка в ту же секунду превращался в злого дедушку. За двадцать лет она так и не смогла отучиться от этой привычки.

Впрочем, было ли он дедушкой или злым дедушкой, уже не имело значения. Старик в

поношенном сером халате, сгорбившись, как креветка, сидел у каменного стола с потухшим взглядом и никак не отреагировал на приветствие.

Сяожуань была в замешательстве, а Тан Шэнчжи представил следующего:

— А это... это сын твоего дедушки, называй его вторым дядей.

— Кто... — не успела она закончить, как мужчина злобно зыркнул на нее. Сяожуань от испуга спряталась за спину дяди, чувствуя, как колотится сердце. У него что, личная неприязнь к ней? Почему взгляд такой, будто она бездомная собака со сломанной лапой?

Мужчина ничего не сказал, лишь поднялся и, прихрамывая и покашливая, поплелся в дом. Сяожуань с удивлением заметила, что он действительно хромает. С таким здоровьем неудивительно, что у него такой скверный характер.

— А это дочь твоего дедушки из второй ветви...

Не успел он закончить, как сидевшая рядом с дедушкой женщина средних лет с довольно приятными чертами лица вдруг встала, странно улыбнулась Сяожуань и поманила ее рукой. Сяожуань обрадовалась, что встретила хоть кого-то, кто ей улыбнулся, и, радостно воскликнув тетушка, поспешила навстречу.

— Ха-ха-ха, тетушка, тетушка, иди сюда! У меня есть тигр из ткани, а еще белый кролик, у тебя есть такие? Ха-ха, хочешь?

Сяожуань опешила. Присмотревшись, она заметила, что у женщины, несмотря на миловидное лицо, взгляд был совершенно пустым, а в руках она действительно сжимала плюшевого кролика.

Подойдя ближе, женщина посмотрела на нее, улыбка вдруг застыла, и она, указывая пальцем, закричала во весь голос:

— А! Змеи, столько змей! Змеи хотят съесть моего кролика, хотят съесть меня! Помогите!

Она начала метаться, опрокидывая стулья, и попыталась взобраться на стол. Сяожуань, которую задела падающая стулья, попятилась, а Тан Шэнчжи поспешил на помощь, чтобы удержать женщину. Та кричала все отчаяннее, продолжая нести бессвязный бред про тигров, кроликов и змей.

Видя, что Сяожуань застыла в изумлении, Тан Шэнчжи с горькой усмешкой пояснил:

— Эх, отец тебе не рассказывал? В нашем поколении, кроме нас с ним, все остальные братья и сестры либо инвалиды, либо безумцы, а двое и вовсе умерли в детстве. Дедушка из третьей ветви уже скончался, его дочери безумны, а тетушка из четвертой ветви вышла замуж и пропала без вести, скорее всего, с ней случилось что-то плохое. Теперь наш род держится лишь

на твоей прабабушке.

Только тогда Сяожуань поняла, почему отец никогда не говорил о семье, а поддерживал связь лишь с семьей второго дяди, живущей в соседнем городе. Кто из старших захочет вспоминать столь печальную и полную несчастий историю рода?

Женщина постепенно успокоилась. Тан Шэнчжи отпустил ее, и она, пританцовывая, убежала вдаль. Глядя на ее поведение, достойное трехлетнего ребенка, дядя покачал головой:

— Не обращай внимания. Пойдем, я отведу тебя к прабабушке.

<http://bllate.org/book/19154/1880931>